

ются о ней как о стране с прочно укоренившейся демократической формой правления, сильными эгалитарными традициями и высоким по европейским меркам жизненным уровнем трудящихся классов. Не выглядит убедительным утверждение Д.Д. Тумаркина о том, что, “вероятно, пределом мечтаний для Миклухи-Маклая было тогда (осенью 1884 г. – *А.М.*) установление над автономным Папуасским Союзом совместного протектората России и Англии” (с. 500). Ученый действительно был заинтересован в установлении иностранного протектората над Берегом Маклая, но, похоже, какая именно держава будет государством-протектором, было для него не таким уж и важным.

В монографии встречаются немногочисленные, но досадные ошибки и опечатки. В 1879 г. выставка в Сиднее не была посвящена столетию со дня начала английской колонизации Австралии (с. 375), ибо это столетие отмечалось в 1888 г. В марте 1882 г. эскадра контр-адмирала А.Б. Асланбегова находилась в Аделаиде, а не в Хобарте, который к тому же ошибочно назван столицей колонии Южная Австралия (с. 431). К несомненным опечаткам относятся утверждения о том, что корвет “Скобелев” ушел к Новой Гвинее в 1888 г. (с. 472), а Н.Н. Миклухо-Маклай с женой и детьми прибыл в Петербург в 1886 г. (с. 546) – на самом деле, соответственно, в 1883 и 1887 гг. На с. 31, явно по вине издательства, имеет место сбой в номерах сносок, причем одна из них вообще не раскрыта. Все это, однако, мелочи. По-настоящему досадным является отсутствие в монографии именного и географического указателя. Между тем он представляется совершенно необходимым, ибо книга густо “населена” людьми, а описываемые события разворачиваются во множестве экзотических уголков четырех континентов.

Отмеченные недостатки, разумеется, не снижают высокой оценки рецензируемой монографии. Д.Д. Тумаркин осуществил демифологизацию образа Н.Н. Миклухо-Маклая и на место персонажа мифа поставил живого человека. Благодаря его исследованию мы можем объективно оценить как реальные научные заслуги нашего соотечественника, так и его бескорыстную деятельность по защите коренных жителей Океании. Этнографы, историки, биологи, все, кто интересуется историей России и русской науки, получили в свое распоряжение замечательную по полноте и научной достоверности биографию выдающегося русского ученого, путешественника, гуманиста. Монография Д.Д. Тумаркина не просто подводит итог современному состоянию изучения жизни и деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая, но, по сути дела, задает планку и открывает новый этап в подлинно научном исследовании его биографии и его трудов.

Примечания

¹ Среди наиболее значимых и, несомненно, известных читателю биографических очерков о жизни и деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая назовем статьи 20-х – 30-х гг. XX в. А.Д. Анучина, А.А. Минакова, А.Г. Грум-Гржимайло, работы 1950-х – 1990-х гг. Н.А. Бутинова, Б.А. Вальской, Б.Н. Путилова.

² См., например, получившую, к сожалению, широкое распространение книгу Б.М. Носика “Тайна Маклая”. М.: Радуга, 2001.

ЭО, 2012 г. № 5

© **О.В. Кириченко**. Рец. на: *“Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие”* / Отв. ред., сост. и автор предисловия В. Пасат. М.: РОССПЭН, 2009–2012. В 4-х томах.

Выход из печати фундаментального четырехтомника “Православие в Молдавии. Власть, церковь, верующие”, охватывающего 1940–1991 гг., несомненно, не рядовое, а весьма значительное, даже крупное, научное событие для таких дисциплин как история, этнография, политология и социология – то есть для изучения Православной Церкви и шире – религиозных процессов – не только Молдавии, но и России (Православие в Молдавии). В четырех томах (в каждом не менее шестисот-восьмисот страниц) представлены документы, раскрывающие большей частью церковную жизнь православных Молдавии на низовом, народном ее уровне, что составляет главную и безусловную ценность этого издания. Публикация документов, в отличие от монографического исследования, всегда ориентирована на особый круг исследо-

вателей, поскольку такой труд всегда создает равные условия доступа к источнику сразу для большого их числа. Здесь нет присущего каждой монографической работе своего рода личного авторского эгоизма, который побуждает ученого “самостоятельно” находить, интерпретировать и выбирать ракурс работы с источником. Мы сталкиваемся в данной публикации с благородным намерением чл.-корр. Молдавской АН В.И. Пасата дать скорейшее движение данной теме и поспоспобствовать ее широкому научному осмыслению. Автор потратил 10 лет на работу в архиве, чтобы предоставить многим коллегам-гуманитариям эти равные условия для научного поиска. Безусловно и другое: избрав издательскую, а не монографическую форму изложения, ученый руководствовался задачей наиболее объективно осветить сложнейшую тему церковной народной жизни в Молдавии, поскольку документы, сами по себе, как ничто другое, точно и объективно передают всю гамму настроений и самочувствия эпохи.

У автора-составителя сложилась четкая монографическая концепция по всем ключевым сторонам публикуемых документов, которая изложена в обширных концептуально проработанных исторических очерках, предвещающих каждый из четырех томов. В.И. Пасат не только ясно себе представляет контекст, в котором создавались и “жили” публикуемые документы, но и дает в очерках емкую характеристику этой среды церковной жизни: предлагает обоснованную периодизацию церковной истории, ставит перед другими исследователями важные вопросы, касающиеся текущих недостатков в изучении православия и церковной жизни в советский период. Публикуя практически весь массив архива молдавских уполномоченных Совета по делам религий, автор уже тем самым предлагает по-новому решать проблему изучения православной религиозности, с опорой на максимально известный круг документов. Тем более, что документы, связанные с деятельностью уполномоченных Совета по делам религий, как ничто другое, позволяют начать масштабное изучение религиозных настроений верующих в советскую эпоху. В данном случае научное сообщество, занимающееся церковной (народной) православной верой, впервые получает в руки в полном объеме такой уникальный источник, как документы уполномоченных Совета по делам религий. А это чрезвычайно важно для понимания характера происходивших тогда процессов. И хотя речь идет об отдельной республике СССР, тем не менее документы исследуются в полном объеме начиная со времени образования фонда уполномоченных Совета по делам религий в Молдавии до его ликвидации, к тому же эта республика отличается высокой (для Советского Союза в целом) степенью религиозности населения, что само по себе интересно как особый феномен, требующий объяснений; документы представлены комплексно, то есть дополнены другими источниками из фонда уполномоченных. Это – официальные государственные бумаги, касающиеся церковной политики, распоряжения правящих архиереев, отдельные отклики клириков на конкретные происшествия и т. д. Надо полагать, что автор исходит здесь из того, что документы будут дополнительной информационной базой, не только коррелирующей с документами личной переписки уполномоченного, но и дополняющей и нередко разъясняющей этот источник. Но вместе с тем нельзя не понимать, что эти вторичные документы (первичными мы называем документы “творчества” уполномоченного, куда входили его отчеты, его переписка с начальством в Москве, с местными партийными и государственными руководителями, с архиереями и духовенством, весь комплекс бумаг, которые уполномоченный получал с мест) собирались в архиве каждым уполномоченным по его собственному усмотрению, то есть то, что это были за документы, целиком зависело от стиля работы каждого конкретного уполномоченного, о чем автор публикации пишет в своих вводных замечаниях.

В.И. Пасат так определяет конечную цель работы: она состоит в воссоздании всей полноты народных религиозных чувств и настроений, потому что именно эта область является наиболее сложной для понимания церковных процессов в целом. В этой связи, несомненно, заслуживают особого обсуждения те мысли, которые высказаны автором во введении к изданию и в отдельных замечаниях к каждому тому.

Исследование православия в России сегодня, к сожалению, находится не в лучшем состоянии и не может нас удовлетворить ни глубиной постановки проблем, ни своими результатами. Об этом автор справедливо пишет во введении к четырехтомнику. Необходимо изучение государственной позиции, церкви как института и народной церковной веры. Очевидно, поэтому в книге появился подзаголовок “власть, церковь, верующие”. Можно только приветствовать особый интерес автора к третьей группе – “верующие” – самому важному для этнографа элементу в этой триаде. Возникает закономерный вопрос об объемености публикуемых источников, о том насколько они репрезентативны в отношении каждой из трех сфер изучения, и прежде всего сферы “верующие”?

Будем исходить из той посылки, что в каждой сфере (государственной, церковной и общественной) устанавливались свои субъектно-объектные отношения. И если учитывать все возможные их варианты: государства как субъекта по отношению к церкви как объекту (институту духовной власти); государства по отношению к верующим; церкви (субъекта) по отношению к государству (объекту); церкви по отношению к верующим; верующих (субъекта) по отношению к государству (объекту) верующих по отношению к Церкви, то мы получаем три группы отношений: 1) государственные (государство–церковь; государство–верующие); 2) церковные (церковь–государство; церковь–верующие); 3) отношения верующих (верующие–государство; верующие–церковь). Соответственно, изучение всех указанных шести типов отношений потребует привлечения особого круга источников. Тот круг источников, который привлекает В.И. Пасат, в целом покрывает только первые две из трех указанных сфер. Там присутствует группа “верующие”, но как пассивное, объектное, а не субъектное начало, в силу чего сведения, имеющиеся о них в фонде уполномоченного, носят опосредованный, косвенный характер. И дело здесь не в том, что автор не видит специфики этой группы, а в отсутствии в публикуемых материалах подобной категории источников.

Сосредотачивая свое внимание на группе “верующих”, В.И. Пасат во введении обращает внимание на те или иные современные научные перекосы в исследовании православия в СССР. В одних случаях они возникли еще в советское время, в силу идеологических установок в отношении Церкви, в других случаях сегодня исследователям мешает узость научного подхода, поскольку авторы в большинстве своем сосредоточены на официальных государственно-церковных отношениях. Так, например, такой известный российский исследователь церковной истории советского периода, как М.В. Шкаровский, по мнению В.И. Пасата, “почти не принимает в расчет... внутренние процессы, проходившие в РПЦ”, поскольку его интересует официальная церковная история (взаимоотношение церкви и государства и т.п.). Это же отличает и другие крупные труды по истории РПЦ, в них отсутствует этнографический – важнейший – элемент исследования (*Цытин 2005; Васильева и др. 2008*). По этой причине мы не знаем, как и отчего менялась динамика религиозных настроений верующих, какую роль играли в тот или иной период группы разной степени воцерковленности, как проходили процессы передачи веры от поколения к поколению. До тех пор пока не будет выяснена мотивация поступков верующих разного уровня религиозности, не исследовано “качественное ядро” церковной части верующих, сложно делать однозначные выводы.

И все же именно столь масштабная и качественно подготовленная публикация источников по церковной жизни, как мне кажется, поставила на повестку дня важнейший вопрос о необходимости масштабного сбора полевых материалов о православии в СССР, по специальной программе во всех регионах России и сопредельных ей стран, где массово исповедуется православие. Скорее всего, централизованно, силами одного института эту задачу не решить, поскольку потребуются нечто подобное тому, что сделал в свое время кн. В.М. Тенишев, создав бюро по сбору этнографических сведений о крестьянах России. Тогда анкеты из столицы рассылались по городам и весям Российской империи, и целая сеть оплачиваемых корреспондентов на местах проводила сбор материала. Необходимая программа “Православие в народной жизни. Программа сбора полевого этнографического материала” давно создана группой научных сотрудников ИЭА РАН, но полевая работа по сбору этих сведений ведется по авторским программам, а не целенаправленно, по всем пунктам программы, и по всем регионам. Сегодня мы практически лишены источников по группе “верующие” и по отношениям “верующие–государство”, “верующие–церковь”. Эта основная проблема ближайших десятилетий для тех, кто исследует религиозные проблемы в СССР. В данной публикации, при всей осторожности и деликатности авторских оценок, несомненно, ощущается отсутствие источника этого уровня.

В четырех исторических очерках, предвещающих каждый том, автор дает свое видение истории православия в Молдавии начиная с 1940 г. (присоединение Бессарабии к СССР и образования Молдавской ССР) и заканчивая 1991 г., т.е. годом официального прекращения существования СССР и образования суверенной Молдавии. Почти в эти рамки (с 1943 г. по 1991 г.) укладывается существование должности уполномоченного Совета по делам религий, лица ответственного за проведение в жизнь политики советского государства по отношению к религиозным организациям на местах. Уполномоченные сменили существовавшие до них коллективные органы контроля над Церковью и церковной жизнью. Совет по делам РПЦ при СНК СССР во главе с председателем Совета сменил Постоянную центральную комиссию по вопросам культов при ЦИК СССР, которая опиралась на партийные и государственные органы,

в том числе органы внутренних дел на местах, коллективно курирующие церковную деятельность. Уполномоченный, офицер НКГБ, начиная с 1943 г. получил возможность более детально и целенаправленно осуществлять сбор информации о церковной жизни и оказывать влияние на церковную жизнь. Вот почему вместе с появлением такого рода советских функционеров резко возрос и качественно изменился объем информации о РПЦ на местах. Сегодня, благодаря раскрестьянанию большей части фондов уполномоченных Совета по делам религий, исследователи получили возможность увидеть многие перипетии церковной жизни, начиная с середины 1940-х годов глазами государственных чиновников – уполномоченных Совета по делам религий, у каждого из которых при этом был свой индивидуальный взгляд.

В первом очерке, касающемся периода 1940–1953 гг., автор обозначает как приоритетное направление работы советских идеологов в Молдавии “антирумынизм” (с которым было связано клише “великодержавного румынского шовинизма”). Этим во многом объясняются причины сравнительно мягкой церковной политики вплоть до конца 1950-х годов. Молдавская церковь на низовом, приходском уровне поддерживала “антирумынизм”, и для власти до поры это было более важно, чем следование общесоветскому политическому курсу жесткого ограничения церковной жизни. Вместе с тем, как показывает автор публикации, существовала определенная острота внутренних национальных противоречий между русскими епископами (вместе с верховной церковной управленческой Молдавской епархией) и молдавским церковным активом (вместе с рядовыми верующими). Противоречия возникли на почве недостаточно чуткой кадровой политики правящих архиереев. Особенностью церковной активности верующих в Молдавии, которая в какой-то мере была характерна в этот период и для верующих в РСФСР (см. обращения об открытии храмов и т. д.), было то, что здесь в отличие от РСФСР не было разгрома православия в 1920–1930-е годы. В республике было много незарегистрированных священников (автор почему-то без кавычек называет их самозванцами, хотя можно было бы употребить более привычные термины “нелегальные”, “тайные”), которые почти открыто служили в незарегистрированных отремонтированных приходах церквей. Такого не было ни в одной области РСФСР. Серьезным отличием можно считать и активное участие молдавской низовой советской партийной номенклатуры в поддержке верующих и нередкое участие молдавских коммунистов в церковной жизни. В этой связи молдавские верующие могли совершать церковные обряды в торжественной форме, по старой традиции устанавливать кресты на перекрестках дорог, у колодезь и т. д. Первый том заканчивается документами 1954 г., когда заканчивается период наиболее благоприятный для верующих Молдавии.

Во втором очерке (1953–1960) речь идет о молдавской специфике раннего хрущевского периода, отмеченного для верующих РСФСР симптомами “возрождения”, что, по сути, сводилось к ожиданиям послаблений в области церковной жизни. Для Молдавии это было не так актуально, так как церковная жизнь здесь была более или менее стабильной и налаженной. Вот почему там наблюдался среди партийных чиновников достаточно формальный подход к проведению антирелигиозной пропаганды, которым была отмечена эта эпоха. Эта формальность устраивала верующих и церковное руководство. Состав клира здесь омолаживался, увеличивался, становился более образованным. Проблема “молдаване–русские” оставалась по-прежнему острой, хотя абсолютное большинство священников было молдавского происхождения. Но оставалось недовольство тем, что правящий архиерей был русским и мог не владеть молдавским языком. Это вызвало появление молдавского варианта “катакомбной церкви” среди группы оппозиционного духовенства. Но и простые верующие, как отмечает автор, не жили с архиереем душа в душу, а нередко поступали в соответствии со своими интересами. “Антирумынизм” со временем перестал быть удобным идеологическим оружием для советской власти, так как “внутренний враг” в виде Церкви становится к концу 1950-х годов главной мишенью для советской власти. Автор считает, что антицерковный радикализм, поздnehрущевского периода, был инициирован в Молдавии и оттуда распространился на союзный уровень. Он связывает это с группой партийцев, здесь находящихся, и прежде всего, с К.У. Черненко. С этим сложно согласиться, зная, что Н.С. Хрущев с самого начала своего правления был главным инициатором антицерковной политики в рамках “возвращения к ленинским принципам”. Несколько лет длилась подготовительная работа. О новом курсе, безусловно, все республиканские руководители на местах знали, и когда наступил момент “красногвардейской атаки”, то в ней приняли живое участие с особой конформистской решимостью и молдавские руководители. Поэтому, как мне кажется, нет оснований говорить об “особой зловещей роли” молдавских партийных функционеров в подготовке нового наступления на Православную Церковь в СССР. К тому же, если мы обратимся далее к

материалам 3-го тома, то увидим, что государственно-церковная политика в брежневскую эпоху была явно смягченной и носила скорее “сталинский” (военный и послевоенный период), чем “ленинский” характер. Если бы эта “молдавская группа” действительно отличалась в своем мировоззрении радикальной антицерковной направленностью, то приход к власти Л.И. Брежнева позволил бы этим людям в полной мере реализовать свои чаяния. Но этого не произошло. Напротив, именно первая половина 1960-х годов, по словам автора, была апогеем антицерковной политики советского правительства.

Третий том посвящен времени 1961–1975 годов, когда после жесточайшего прессинга, который испытала Православная, в том числе Молдавская, Церковь в позднехрущевский период, наступил период смягчения политики. Первая половина 1960-х годов отмечена в Молдавии таким же масштабным наступлением на Церковь, каким оно было в это время в РСФСР. Молдавские верующие впервые испытали на себе всю силу советского идеологического катка. Но отличие верующих православных христиан в России от их молдавских собратьев было в том, что первые уже имели опыт гонений на Церковь в 1920-е и 1930-е годы. Русские крестьяне прошли и через насильственную коллективизацию и массовое закрытие храмов в конце 1920-х, и через кровавые репрессии второй половины 1930-х, приведшие к почти полному закрытию храмов, тотальным арестам, расстрелам или высылке епископата и духовенства. Русские верующие знали, что за “1920-ми годами” могут последовать и “1930-е годы”. В 1920-е годы они этого не знали и также пытались в массовом порядке отстаивать от закрытия храмы в сельской России. В конце 1950-х и начале 1960-х, когда пошел вал закрытий храмов, это уже не стало для верующих в РФ неожиданностью. К тому же среди верующих в РФ уже не было (их уничтожили в годы репрессий) той сильной, активной части, которая бескомпромиссно и безбоязненно отстаивала права Церкви в 1920-е годы. Молдавия же впервые испытала этот шок, и этим можно объяснить высокую активность молдавских верующих, на местах противодействовавших антицерковной политике. Ими использовались самые разные формы протеста: от массовых пассивных (игнорирование запретов на крещение, венчание и т. д.) до активных, включая отправки многочисленных писем в Москву, а также – народных ходоков и использования диссидентской риторики о нарушениях прав человека.

Брежневскую “оттепель” в церковной Молдавии В.И. Пасат рассматривает как результат победы верующих, отстаивших свое право на исповедание, однако, при этом делается вывод о том, что к 1967 г. “православие, переставая быть мировоззренческой доминантой у людей среднего возраста и молодежи... нашло себе прибежище в сфере обрядовой религиозности...” Из этого следует, что за короткий промежуток хрущевских гонений на Церковь, православие в республике было выхолощено, лишено своего церковного нерва, самой сути. Возникает вопрос: насколько верна эта оценка автора? Как нам кажется, за 7–8 лет гонений (не перешедших в стадию репрессий) православие в Молдавии, отличавшееся цельностью, твердым укладом, теснейшей связью верующих и духовенства, не могло в столь значительной степени разрушиться. Причина авторской недооценки лежит, на наш взгляд, в излишнем доверии источнику – отчетам уполномоченных Совета по делам религий, откуда и идет эта заниженная оценка уровня религиозности верующих. Не имея под рукой аутентичного источника по группе “верующие”, благодаря которому можно было бы скорректировать официальные данные, автор вынужден доверять только одному массовому источнику.

В четвертом томе, посвященном периоду 1976–1991 гг., основным стал вопрос о кризисе национальной идентичности, в который входила Молдавия по мере приближения краха СССР. И церковную жизнь также не обошла эта острейшая для республики проблема. В эти годы также была создана правовая база для открытого регулирования государственно-церковных отношений. В брежневскую эпоху вместо задачи “атеистического воспитания” на первый план вышла задача “контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах”. Однако, этот контроль не предполагал изменений ни в худшую (для верующих), ни в лучшую сторону. Церкви не закрывали, но и не открывали прежде закрытые, отчего недовольство верующих постепенно накапливалось и искало выхода. Последний всплеск антицерковной деятельности пришелся в Молдавии на начало правления М.С. Горбачева. Но с конца 1980-х, когда из Москвы зазвучали явные ноты осуждения давления на верующих, стала быстро набирать силу и ответная народная волна захватов храмов и превращения их в действующие. Причем, как отмечает автор “православное возрождение Молдавии шло рука об руку с ростом национального самосознания”. Это не упрощало, а усложняло ситуацию, если учесть, что проблема антирусских настроений в республике затрагивала не только церковную сферу, но распространялась и на политику, и

на экономику, и на культуру. И хотя процент русского населения был невысок (13%) (*Савоскул* 2002: 17), но высока была “социальная роль русских в жизни республики” (Там же: 18), что и вызывало недовольство молдавской культурной и политической элиты. На смену русскому архиерею в 1989 г. приходит молдаванин и, хотя Молдавская Церковь осталась в юридических и канонических границах РПЦ, но, получив статус автономии, стала самоуправляемой. Несомненно, сохраненное общее с Россией церковное поле деятельности позволило молдавскому обществу и в других областях постепенно понижать градус этнического противостояния молдаван русским и постепенно решать эту проблему.

Опубликованный В.И. Пасатом источник по истории церковной жизни в Молдавии за период с 1940 по 1991 г., сопровождаемый необходимым справочным аппаратом, вводным словом, историческими очерками – всем необходимым для фундаментального научного издания – безусловно, крупное не только церковное, но и культурное, и даже политически значимое событие для республики Молдовы. Выражаем уверенность, что этот труд откроет возможности для самой плодотворной исследовательской деятельности большому числу ученых и будет, в конечном счете, работать на просвещение, способствовать опровержению многих домыслов и неверных трактовок. Подобный источник, в таком объеме и полноте, еще не публиковался в России, что возможно подтолкнет ученых в Москве и в регионах к подобной работе и откроет глаза на подлинную церковную жизнь в СССР не только специалистам, но и рядовым читателям.

Литература

- Васильева и др. 2008* – *Васильева О.Ю., Беглов А.Л., Журавский А.В., Сафонов Д.В., Петрушко В.И., Фирсов С.Л.* Русская Православная Церковь: XX в. М., 2008.
- Православие в народной жизни 2000* – *Православие в народной жизни. Программа сбора полевого этнографического материала / под. ред. М.М. Громыко.* М., 2000.
- Савоскул 2002* – *Савоскул С.С.* Русские нового зарубежья: выбор судьбы. Автореф. на соиск. уч. ст. доктора наук. М., 2002.
- Цыпин 2005* – *Цыпин В., прот.* История Церкви в XX в. М.: Валаамский монастырь, 2005.